

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

УДК 122/129

Голубева Н.А.

*Всероссийский заочный финансово-экономический институт
(филиал в г. Калуге)*

ДИССИММЕТРИЯ СТРУКТУРЫ В СТРУКТУРАЛИЗМЕ

N. Golubeva

Kaluga Branch of Russian State Correspondence Financial-Economical Institute

DISSYMMETRY OF STRUCTURE IN STRUCTURALISM

Аннотация. В статье впервые с позиций явления диссимметрии рассматривается структура в структурализме. Отталкиваясь от бинарности, свойственной структуралистским построениям, автор выводит их главную диссимметрическую особенность – переход каждого первого члена оппозиции в свою противоположность. В этой связи любая “сделанная” структура предстает как состоящая из энантиоморфов (зеркальных противоположностей) диссимметрическая система. Диссимметрия в данной структуре проявляется в своем классическом варианте, т. е. когда условно D- (правые) и условно L- (левые) компоненты диполя структуры (ее противоположности) статично противостоят друг другу.

Ключевые слова: структура, структурализм, бинарные оппозиции, энантиоморфы, диссимметрические системы.

Abstract. The article discusses structure within structuralism from the positions of the phenomenon of dissymmetry. Proceeding from binarity peculiar to structuralist constructions, the author draws a conclusion about their main dissymmetrical property – transition of each first member of an opposition into its opposite. In connection with this any “made” structure can be presented as a dissymmetrical system consisting of anantiomorphs (mirror opposites). Dissymmetry in this structure reveals itself in its classical variant, when conventionally D- (right) and conventionally L- (left) components of the bifield (dualfield) of the structure (its opposites) are opposed to each other statically.

Key words: dissymmetry, structure, structuralism, binary oppositions, anantiomorphs, dissymmetrical systems.

Под *структурой* принято понимать взаимосвязь элементов в системе, «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе...» [11, 598]. Структура может приравниваться к системе (в случае холизма) или приниматься как внутренняя организация объекта. В своих статическом и динамическом аспектах структура выступает либо как синхроничное, либо как диахроничное образование соответственно. Само понятие «structura» в переводе с латинского обозначает ‘строение, устройство’ [12, 666], что в принципе, исключает из смысла термина развитие как таковое, скорее акцентируя внимание на форме.

В общем, понятие структуры, интерпретируемой как модель, соотносится с такими присущими ей характеристиками, как: а) целостность; б) способность к изменениям на уровне упорядоченного движения подструктур; в) саморегуляция, основанная на правилах, присущих данной системе [7, 871]. Все характеристики структуры, выдвинутые Ж. Пиаже, отождествляют ее с системами как статического, так и динамического порядка [7, 871]. Однако в то время как синхроничный и диахроничный аспекты дополняют друг друга, нередко предпочтение отдается одному из них. Например, на позициях первого стояли грамматика и риторика античности и герменевтика средних веков; напротив, диахроничный аспект поддерживается сегодня биологией, психологией, теорией систем и т. д.

Большое значение феномену структуры придавал структурализм, избравший своей целью поиск и исследование структур в различных областях культуры, а также сделавший ставку на синхронизм, рассматривая при этом феномен структуры с холистических позиций. Структура, понимаемая как модель реальности, не имеющая никакого отношения к последней, наделяется здесь не только свойствами системы (как состоящая из взаимосвязанных элементов и взаимоотношений части и целого), но и представляется имеющей множество преобразований (К. Леви-Стросс [10]).

Возникший первоначально как структурная лингвистика в первой половине XX столетия структурализм (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Пражский лингвистический кружок, американский дескриптивизм) прошел ряд трансформаций, среди которых – французский структурализм (К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, М. Фуко, Р. Барт (структуралистский период его творчества)) и так называемая «вторая волна» структурализма – постструктурализм и семиотика текста. Методологический принцип, про-

возглашенный структурализмом, – «примат отношений над элементами в системе» – покоится на признании в качестве существенных тех отношений, которые имеются между элементами системы. При этом акцент, сделанный структурализмом на бинарные оппозиции в структуре, как показывает дальнейший анализ, обнаруживает связь данных структурных построений с феноменом диссимметрии, что в контексте актуальности проблемы правизны-левизны имеет немаловажное значение. Во-первых, правое и левое предстают вовлеченными в процесс построения моделей реальности на основе ее знаковой интерпретации. Во-вторых, особенности соотношения данных противоположностей в структурализме помогают обнаружить определенные закономерности, свойственные структуралистским построениям и, прежде всего, их тяготение к симметрическому равновесию. В-третьих, обе причины подчеркивают онтологический статус явления диссимметрии.

Для выявления вышеуказанных причин необходим диссимметрический анализ (основанный на обнаружении зеркальных противоположностей – энантиоморфов, образующих диссимметрический диполь), который, с нашей точки зрения, уместно начать с обозначения характеристик, присущих структуре в структурализме.

Структурализм: бинарность структуры. Структурная лингвистика в лице Ф. де Соссюра, заложившего ее основы в работе «Курс общей лингвистики», рассматривала знак как единство означаемого и его диссимметрической противоположности – означающего [13]. Л. Ельмслев позиционировал язык-объект метаязыку (первый – предмет анализа, второй – средство анализа) [6]. Функциональный структурализм пытался преодолеть оппозицию между статикой и динамикой языка [8]. В середине XX столетия (50-е гг.) структурализм распространил свой метод нахождения

структур (структурный метод) на различные области культуры: К. Леви-Стросс – на антропологию; Ж. Лакан – в рамках психоанализа; М. Фуко – в историко-культурном плане; Р. Барт – на литературоведение и культурные системы – моду, еду, одежду, структуру города и пр. [3]. Осуществляя проекцию структуры языка на мир в целом, структурализм “строил” этот мир в согласии со всеми грамматическими правилами. Все языки, равно как и все знаковые системы, с точки зрения структуралистов, «подчиняются одной и той же грамматике», универсальной «не только потому, что <она> (примеч. наше. – Н.Г.) информирует все языки о мире, но и потому, что она совпадает со структурой самого мира» [15, 15].

Совпадение «со структурой самого мира» (Ц. Тодоров), и прежде всего – в его антропологическом аспекте, было «подтверждено» К. Леви-Строссом, использовавшим системный анализ языка в этнографических исследованиях. Находя опору в бинарных оппозициях («сырое–приготовленное», «мокрое–сожженное», «свежее–гнилое», «жизнь–смерть» и т. д.) в процессе анализа мифов, Леви-Стросс определяет оппозиции как коды (совокупности знаков), инвариантные по сути и представляющие собой фундаментальное означаемое [10].

Структурализм Ж. Лакана, в свою очередь, заключался в проекции лингвистической модели на психоанализ. Убеждение, что «бессознательное структурировано как язык», позволило Лакану объяснить роль языка в формировании бессознательного, представляющего собой символический порядок. Например, бессознательный образ «крыши» («toit»), как образ сновидения, может быть инициирован «обозначающим любовный треугольник», «визуально сгущенным» словом «три» («trois»), а также – обозначающим вершину треугольника словом «ты» («toi») [5, 538]. Исходя из того,

что от «сгущений», «смещений» и зависит «грамматика языка сновидений», первые, согласно Лакану, «функционируют» как «фигуры метафоры и метонимии» [5, 538]. В итоге Лакан прибегает к бинарным оппозициям, популярным в структурной лингвистике – «метафора – метонимия», «язык – речь», «означающее – означаемое». Интересно при этом, что у Лакана структурировано не только бессознательное, но и сам субъект. Свою структурированность индивид «осознает» на «стадии зеркала», когда, в процессе «схватывания» себя как целого, состоящего из фрагментов своего тела, ребенок перестает быть частью матери и вместе с этим – частью окружающего мира. Отделившись от тела матери, субъект переживает противопоставление Я не-Я, что является для него достаточно травматичным опытом, так как происходит своего рода «раскол», «трещина» [5, 538].

“Схватывание” структур реальности в ее историко-культурном контексте выпало на долю М. Фуко, рассматривающего три основных, с его точки зрения, «эпистемы» (структуры), непосредственно детерминирующие появление определенных парадигмальных установок в различные исторические периоды. Три эпистемы – «ренессансная» (XVI в.), «классического рационализма» (XVII – XVIII в.) и «современная» (с конца XVIII – начала XIX вв. по настоящее время) – как нельзя лучше показывают соотношение между бинарными оппозициями – «словами» и «вещами» – той пред-данностью, которая непосредственно присутствует в каждом историческом периоде [14].

Диссимметрия и «производство» структур. Вся сущность структурализма, структуры и «структурального человека» как «производителя» смыслов (структур) изложена Бартом в его работе «Структурализм как деятельность» [2]. Как показывает Р. Барт, опора на бинарность в построении структур уходит своими корнями

в мышление структуралистов. Следуя логике диссимметрического анализа, необходимо отметить, что диссимметрия (исходя из рассуждений Барта) проявляется уже в самом способе структуралистского мышления, т. е. в его основе лежит опора на зеркальные противоположности, или бинарные оппозиции. Так, по мнению Барта, «для того чтобы приблизиться к пониманию отличий структурализма от других способов мышления», «следует обратиться к таким парам, как *означающее – означаемое* и *синхрония – диахрония*» [2, 227]. Первая пара «отсылает к лингвистической модели сосюррианского происхождения»; вторая – «предполагает известный пересмотр понятия истории в той мере, в какой идея синхронии... оправдывает определенную иммобилизацию времени, а идея диахронии тяготеет к тому, чтобы представить исторический процесс как чистую последовательность форм» [2, 227-228].

Классический пример диссимметрии в «производстве» структур – «парадигма», состоящая из двух *схожих* и одновременно *несхожих* единиц. Как повествует Барт, «две единицы одной парадигмы должны иметь некоторое сходство *для того, чтобы* могло стать совершенно очевидным различие между ними» [2, 231] (ср. со схожим и одновременно несхожим D (правым) и L (левым)). Разделенный на структурные единицы объект на основе «правил взаимного соединения» подвергается новой, авторской, монтировке (монтировке структурального человека). Общность монтировки любых структур заключается в «рекуррентности» – «регулярной повторяемости одних и тех же единиц и их комбинаций», благодаря чему произведение оказывается «законченным целым» [2, 232]. Эти «комбинаторные правила» создают «формы», где полностью исключается случайность [2, 232].

Технология по созданию структур, описанная Бартом в эссе «Структурализм как

деятельность», реализуется на практике в других его произведениях, например в «Основах семиологии» [1]. Указывая на принципиальную универсальность оппозиции «язык – речь», Барт распространяет ее на различные знаковые системы – моду, пищу, автомобили, меблировку. В первом случае (в случае моды, одежды) возможны три варианта систем: словесное описание одежды, ее фотографии и реальная одежда. В первом варианте, при поверхностном его рассмотрении, система «словесное описание одежды» наделена лишь «языком в чистом виде», второй член оппозиции – «речь» – отсутствует. Однако, согласно Соссюру, схема «язык – речь» всегда должна быть полной, т. е. одно никогда не существует без другого, в связи с чем Барт «исправляет» ситуацию, констатируя, что «описанная в журнале мод» «одежда» выступает как «язык» «на уровне платяной коммуникации» и как «речь» – на уровне «вербальной» [2, 289]. Второй вариант – вариант фотографии – лишает язык присущей ему в предыдущем примере абстракции, хотя по-прежнему и создается группой лиц («*fashion-group*»). «Псевдореальная одежда» здесь выступает в качестве «языка», а манекенщица – в качестве «речи» без возможности комбинаций. «Реальная одежда» – третий вариант системы – обнаруживает присутствие «классического» противостояния членов оппозиции «язык – речь», причем «язык» представлен: а) «совокупностью оппозиций», «в которых находятся части, «детали» туалета, вариации которых влекут за собой смысловые изменения»: так, в зависимости от того, что у манекенщицы на голове – «берет или котелок», варьируется и смысл происходящего [2, 289]; б) правилами сочетаний всех деталей туалета (т. е. комбинациями). «Речь» в данной системе выражается в таких фактах, как «размер», степень изношенности одежды, вкус того, кто ею владеет, сочетание деталей. Отно-

шения между «языком» и «речью», согласно Барту, отличаются здесь от подобных отношений в «естественном языке», т. е. костюм (он же «язык») предшествует способу его ношения, соответственно – «речи» [2, 289-290].

Прочие знаковые системы – пицца, автомобили, мебелировка – также подчиняются соссорианской оппозиции «язык – речь». Дихотомичность, или диссимметричность, этих ключевых понятий, однако, разрастается у Барта до прочих противопоставлений – от «соленого – сладкого», когда речь заходит о знаковой системе – «пище», до «двух типов шкафов» или «кроватей» – в процессе структурирования «мебелировки». Повсеместные оппозиции как структурные единицы систем, или «парадигматические объекты», фактически оказываются энантиоморфными (диссимметрическими) объектами, т. е. не совпадающими друг с другом (не конгруэнтными), но имеющими определенное сходство с частями одного целого [4]. Только находясь в определенной зависимости друг от друга, они могут составлять дихотомии, бинарные оппозиции, т. е. некоторое единство. Таковыми являются и любые из обозначенных выше бинарных оппозиций любого из авторов-структуралистов.

Структура как диссимметрическая система. Как видим, всякая структура уже изначально складывается как диссимметрическая система, где каждый первый член оппозиции переходит не сам в себя, а в свою противоположность (*A* переходит не в *AA'*, а в *B*), т. е., условно, при наложении друг на друга, две части одного целого не совпадают друг с другом, хотя при этом друг без друга не существуют. Так, означаемое не существует без означающего, язык-объект – без метаязыка, сырое – без приготовленного, жизнь – без смерти, метафора – без метонимии, язык – без речи, Я связано с не-Я, слова – с вещами, синхрония подразумевает диахронию и т. д. В итоге, даже

если один из членов оппозиции по какой-то причине отсутствует как относительно самостоятельная инстанция (например, в случае «словесного описания одежды»), он все-таки присутствует в системе на одном из ее уровней.

Структурные единицы, из которых состоят структуралистские диссимметрические системы, воплощают собой одновременно различие и тождество, поэтому и могут рассматриваться как энантиоморфы диссимметрии – правые (*D*) и левые (*L*) объекты, в своем логическом соединении (соединении по правилам) образующие единое целое. Они подобны друг другу, но в то же время различны, констатирует Барт, анализируя нарушение симметрии в парадигме. Две единицы в последней различны и схожи одновременно, по типу того, как схожи по написанию, но различны между собой по смыслу во французском языке слова «poisson» и «poison», квадраты Мондриана, сходные по форме, но различные по цвету и размеру, «американские автомобили», рассматривающиеся «одним и тем же способом», но не похожие «маркой и цветом», «эпизоды мифа об Эдипе (при анализе Леви-Стросса)», которые, в случае их принадлежности к парадигме, также «были бы одинаковы и различны» и т. д. [2, 231-232].

Комбинаторные правила парадигматических единиц, как и полагается в четко фиксированной структуре, выражают отношения между ее элементами. На первом месте здесь «регулярная повторяемость» как единиц, так и их комбинаций, так называемая «рекуррентность» (Р. Барт), *не допускающая никаких случайностей*. На основе исследования подобной повторяемости комбинаций, их перестановок, повторяемости перестановок и т. д., а также перекодирования бинарных оппозиций – первоначальных структурных единиц системы в рамках других знаковых систем, можно выстраивать различные структуры (что, на-

пример, и делал К. Леви-Стросс, занимаясь исследованием мифов [10]). Изначальный энантиоморфизм (зеркальная противоположность), свойственный любой оппозиционной паре – «сырое – приготовленное», «свежее – гнилое» и пр., включая и оппозиции не чувственного происхождения, в процессе комбинаторных операций рождает внутрискруктурный «диссимметрический полиморфизм» (Ю.А. Урманцев), так как меняются порядок и положение между структурными единицами, их группами. (Те и другие выступают в качестве «диссимметрических факторов» (Ю.А. Урманцев), сочетающихся с другими диссимметрическими факторами, а диссимметрические факторы-отношения, возникающие между ними, – изменение порядка и положения – рождают диссимметрический полиморфизм внутри структуры.) Например, в приведенном выше примере со знаковой системой одежды (в третьем ее варианте) Барт указывает на то, что относящиеся к «языку» совокупности оппозиций, «в которых находятся части, «детали» туалета», способны к варибельности, «влекущей» «за собой смысловые изменения» – берет и котелок не совпадают по смыслу [1, 298].

Таким образом, выходящие на первый план отношения между элементами структуры здесь достаточно подвижны, даже несмотря на то, что изменения в системе происходят в соответствии с определенными правилами. «Речь», представляющая второй энантиоморф данной знаковой системы, допускает более свободные комбинации, так как «завязана» на «индивидуальный» «способ ношения одежды», куда включены такие варибельные феномены, как вкус владельца одежды, размер и пр., которые тем не менее обуславливают вариации возможных комбинаций. Возникающие в результате указанных операций диссимметрические полиморфические модификации действительно не только разъясняют, но и обогащают структуру си-

стемы, особенно если учитывать возможности комбинаций данных оппозиций в других знаковых системах (системах Леви-Стросса и др.). Обогащается структура и в случае, например, с «меню», составленным со ссылкой на «национальную, региональную или социальную структуру», реализующуюся каждый раз иначе, в зависимости от потребителя, дня недели или индивидуального рецепта. Как заметил Барт, «отношение Языка и Речи (первоначальной оппозиции, в соответствии с которой и выстраивается структура пищи. – Н. Г.) здесь весьма близко тому, которое имеет место в естественном языке: язык пищи в целом является продуктом обычая, своеобразного речевого отстоя» [1, 290-291]. Этот «язык» строится «либо на основе сугубо коллективного обычая, либо на основе чисто индивидуальной «речи»» [1, 290-291].

Диссимметрия в структуралистской программе. В целом структуралистская программа полностью выполняет все правила построения структуры как диссимметрической системы, основанной на правых и левых энантиоморфах. При этом, так как данная программа делает ставку не только на оппозиции, но и учитывает факт отношения между ними, предполагая их различные комбинации по правилам, можно предположить, что именно об этих энантиоморфах и говорил Р. Барт, когда объяснял сущность парадигмы, состоящей из схожих, но в то же время различных единиц, а также – о логических комбинациях с ними; этой же идеи, но в другой терминологии, придерживался К. Леви-Стросс, находя «отголоски» структурных противопоставлений («сырое – приготовленное», «свежее – гнилое» и пр.) в различных мифах. Свойство биполярности системы на любом из ее уровней всегда стоит на первом месте в структурализме, и именно на нем строятся «членение» объекта и последующая «монтажная» модели. Отталкиваясь от этого свойства, любой «структуральный чело-

век» и «строит» свою конструкцию. При этом совокупность двух энантиоморфов, т. е. диссимметрический диполь, в структурализме всегда информационно-энергетически диссимметричен, т. е. если речь идет о противополжении «означающее – означающее», то, например у Ф. де Соссюра (как и у других), означающее доминирует над означающим. Возникает так называемая «центрация» с акцентом на означаемом и на его власти, исключая свободную перестановку компонентов (энантиоморфов) диполя. Этот факт «закрепления» ролей за каждым из «действующих лиц» в структуре лишает ее известной подвижности, открытости, сообщаемости с внешним, исключая любую игру случайности как внутри, так и вне структуры. Незыблемое правило доминанты, как и прочие правила, в соответствии с которыми строится структура, лишают ее любой игры. В этой связи примеры структурности в том смысле, в каком ее понимают структуралисты, – это примеры ухода в поляризм и антиномизм, когда энантиоморфы не находятся «в динамическом отношении взаимности» [9, 37], согласно “позднему” Р. Барту (Барту-постструктуралисту), а статично противостоят друг другу. Элемент синхронии, присущий структуралистскому подходу к системе, лишает ее динамики развития, в результате чего диссимметрия проявляется здесь лишь в своем самом «простом», классическом, варианте – как формообразующий принцип (но не на основе диссимметрического развития, а на основе констатации факта наличия либо D (правого), либо L (левого), либо взаимодействующих между собой в рамках определенных правил D и L). В результате, состояние таких систем близко к симметрическому равновесию, когда соотношение D- и L- взаимозависимых характеристик выражается соотношением 1/1 (=1) или близким к этому. Диссимметрическое противоречие – неравенство D- и L-характеристик – если и

рождается, то тут же “гасится” правилами построения структуры. Например, в случае с отсутствием «речи» в «словесном описании одежды» она тут же «обнаруживается» на одном из уровней системы. Диссимметрическое же равновесие (в отличие от симметрического) здесь в принципе невозможно. Представляя собой критическое соотношение правых и левых энантиоморфов, последнее «выводит» систему на новый уровень развития, но так как структура в структурализме лишена диахронического аспекта, новый уровень развития здесь не предусмотрен по определению. Для развития структуры необходима ее диссимметрическая подвижность, переход от симметризации к диссимметризации, от симметрического равновесия к диссимметрическому и наоборот. Но лишь на следующем витке своей трансформации (в постструктурализме) структурализм крайне реакционен по отношению к замкнутым структурам. На первое место здесь выходит принцип не конструкции, а деконструкции системы, ее перманентной диссимметризации – перманентной потому, что возвращение к структурной целостности теперь принципиально невозможно. Когда-то «сделанные» структуры, согласно постструктуралистам, должны быть безвозвратно разомкнуты.

Вывод 1. Структурализм, в своей опоре на бинарные оппозиции при построении структур, продемонстрировал связь с диссимметрией.

Вывод 2. Любая структура, «произведенная» в структурализме, представляет собой диссимметрическую систему, где каждый первый член оппозиции переходит в свою противоположность.

Вывод 3. Структурный диполь (состоящий из зеркальных противоположностей, энантиоморфов) в структурализме всегда информационно-энергетически диссимметричен, так как лишен возможности свободной перестановки своих компонентов.

Подобный факт приводит к статичному противостоянию компонентов друг другу.

Вывод 4. Диссимметрия структуры в структурализме представлена лишь в своем классическом варианте, когда любое неравенство условно D- (правых) и условно L- (левых) компонентов “гасится” правилами построения структуры. В этой связи состояние структурных построений в структурализме близко к симметрическому равновесию.

Вывод 5. Рассмотрение структур в структурализме с позиций явления диссимметрии, а также выявление в этой связи диссимметрических признаков не только в данных структурах, но и в структуралистском мышлении, позволяет сделать заключение об онтологическом статусе явления диссимметрии, его применимости, в том числе в построении структуралистских моделей реальности, основанных на знаковой интерпретации последней.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – С. 275-352.
2. Барт Р. Структурализм как деятельность // Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – С. 227-236.
3. Голубева Н.А. Диссимметрия «игры в бисер»: краткое введение в метатеорию постмодернизма: Монография. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 188 с.
4. Голубева Н.А. Структурализм: структура как диссистема // Материалы Всероссийской научно-технической конференции. Т. 4. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – С. 167-172.
5. Горных А.А. Лакан // Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 535-538.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. – М.: Издательство КомКнига, 2006. – 248 с.
7. Керимов Т.Х. Структура // Современный философский словарь / Под общей редакцией д-ра филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 870-871.
8. Керимов Т.Х. Структурализм // Современный философский словарь / Под общей редакцией д-ра филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. – С. 871-875.
9. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. – М.: Академический проект, 2008. – С. 5-50.
10. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
11. Овчинников Н.Ф., Юдин Э.Г. Структура // БСЭ. Т. 24 (I). – С. 598-599.
12. Словарь иностранных слов. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 1954. – С. 666.
13. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сид, 1994. – 408 с.
15. Todorov Tz. Grammaire du Decameron. The Hague. 1969. – 100 p.